Штаб морской пехоты, офис Сэнгоку

В комнате повисла тяжелая тишина, когда Сенгоку уставился на телефонный жучок, который замолчал перед ним.

В конце концов, выражение его лица сменилось кривой улыбкой.

"Этот старый болван, я никогда ничего не говорил о тебе! Я просто хотел, чтобы ты присматривал за ним. На кого ты злишься?"

"Черт возьми, сколько раз я прикрывал тебя за эти годы", - сказал Сэнгоку со смесью раздражения и нежности.

Один Гарп, один Кан, с ними он обрел чувство стабильности. Особенно Хан.

Но его ворчание было недолгим; вскоре выражение его лица стало серьезным.

"Сейчас не время для жалоб. Мне нужно вести себя с этим осторожно".

Он действительно видел фотографию Кана и Императрицы Пиратов вместе, сигнализирующую о том, что некоторые люди во Флоте были недовольны действиями Кана.

Его обязанностью было контролировать и поддерживать баланс. Он обдумал последствия своего решения, понимая, что динамика внутри Флота меняется, и это требует его внимания.

Хотя слова Кана задели его, Сенгоку признал, что он был частично прав. Кан сыграл важную роль в успехах флота, но его собственное стремление к личной выгоде и справедливости иногда приводило к столкновениям с мировым правительством. Однако это был сложный вопрос, легких решений в котором не было.

Сенгоку знал, что не может контролировать все. Он также признавал, что Кан был уникален — принципиальная и неуправляемая сила во флоте. У него был свой собственный взгляд на правосудие, и его нелегко было ограничить жесткими рамками.

Пока его мысли кружились, он также размышлял о том, как все изменилось со времен Зефира. Тогда он был более наивен, цепляясь за более идеалистическое чувство справедливости.

Теперь ему нужно было ориентироваться в меняющихся течениях настоящего.

В конце концов, после того, как Кан повесил трубку с телефонным жучком, он тоже погрузился в размышления. Пламенный гнев, который он демонстрировал ранее, смягчился и перешел в более глубокий самоанализ.

Его гнев был средством донести свои выводы до Сэнгоку. Теперь ему предстояло обдумать свои следующие шаги, зная, что от последствий его действий, возможно, будет не так-то легко отмахнуться.

Он понял, что сила все еще имеет значение в этом мире. Власть была валютой, которая могла подавить недовольство и защитить его интересы. В этом мире его рычагом воздействия была его мощь, и ему нужно было извлечь из этого выгоду.

Его размышления о накоплении богатства прервал звонок Почи. Внимание Кана переключилось, когда Почи сообщила ему о женщине-пирате, ищущей аудиенции с важной информацией.

Раздражение Кана усилилось. "Какого рода информацией может обладать пират? Ты не можешь справиться с допросами?"

Почи объяснил, заработав небольшой выговор за то, что не добыл информацию сам. Но затем Почи разорвала бомбу: "Она готова предложить 100 миллионов Бейли генерал-лейтенанту Кану".

Глаза Кана заинтересованно заблестели. 100 миллионов Бейли были значительной суммой даже в Ист-Блю.

"Приведите ее сюда. Я займусь допросом", - приказал Кан, его тон внезапно изменился.

Нами была доставлена в качестве пленницы с убедительным предложением. Она согласилась на сделку — 100 миллионов Бейли за важную информацию о ее спрятанном сокровище. Она пошла на смелую авантюру, уверенная, что любовь Кана к деньгам повлияет на него.

Кан поднял бровь, бросая ей вызов. "Ты предлагаешь мне деньги? Ты ведь знаешь, что ты пират, и я поймал тебя, верно?"

Нами была непреклонна. "Я не простой пират. Я не часть какой-либо пиратской группировки. Но вы не получите информацию, пока не согласитесь".

Кан усмехнулся. "Ты не просто пират, да? И эта татуировка у тебя на руке, это не пиратский знак?"

Нами инстинктивно прикрыла плечо, ее решимость была твердой. "Ты не услышишь этого, пока не согласишься".

Скептицизм Кана уступил место озорной усмешке. "Сегодня я в хорошем настроении. Ради 100 миллионов Бейли я весь внимание".

Когда Нами рассказала историю пиратов Арлонга и их лидера Арлонга, Кан не был впечатлен. Эта история о пирате была всего лишь еще одной главой в небольшой череде страданий, с которыми он столкнулся за пятьдесят лет своего пребывания в этом мире.

Поскольку решимость Нами была непоколебима, Кан был еще больше заинтригован. "Хорошо, хорошо. Я слушаю. Итак, где ваша деревня?"

Нами поколебалась, прежде чем ответить: "Деревня Кокояси".

Кан кивнул, его память оживилась. "Почи, ты это слышала? Деревня Кокояси. Давайте немедленно отправимся в плавание. Правосудие никого не ждет!"

Почи признал, и Нами была освобождена от наручников. Поведение Кана изменилось, когда он продемонстрировал военно-морское правосудие в действии, его страсть к праведности ярко вспыхнула.

Нами не знала, что эта демонстрация была мотивирована другим видом справедливости — тем, что подпитывается прибылью.

Для Кана потенциал ста миллионов Бейли был велик, и он был готов сыграть роль героя, если это означало получение такого богатства.

Нами, не веря своим ушам, наблюдала, как Кан страстно провозглашал свою приверженность

справедливости. "Теперь ты останешься на корабле. Мы отплываем в твою деревню. Злые пираты не останутся безнаказанными!"

Нами потеряла дар речи. Праведный поступок Кана показался ей пустым звуком. Но сто миллионов Бейли были ее козырной картой, и она не могла сейчас отступить.

Однако ее мысли не ускользнули от Кана. "Я должен напомнить вам, что неспособность доставить сто миллионов Бейли будет иметь серьезные последствия", - предупредил Кан с хитрой улыбкой на лице.

Когда Нами смотрела на улыбку Кана, ее решимость укреплялась. Несмотря на видимость, она знала, что ее действия могут принести спасение ее деревне.

Разработав план, Кан повернулся к Нами. "Мисс Нами, пока вы остаетесь на этом корабле. Мы направляемся в деревню Кокояси. Правосудие ждет!"

Хотя Нами сомневалась, у нее не было других вариантов. Когда она поднялась на борт корабля, ее разум лихорадочно работал, и в мыслях эхом звучал один вопрос:

Будет ли обещания в сто миллионов Бейли достаточно, чтобы обеспечить будущее ее деревни?

http://tl.rulate.ru/book/95633/3257940